

ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ МИГРАНТОВ ИЗ БЫВШЕГО СССР В ГЕРМАНИИ

Анастасия Андреевна Анохина

кандидат филологических наук, старший преподаватель Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия).

e-mail: aaanokhina@kantiana.ru

Аннотация. Литература авторов-мигрантов из бывшего СССР сыскала популярность на немецкоязычном литературном рынке не только в рамках известного международного феномена «нового иммигрантского шика», но и в связи со спецификой литературного рынка Германии, для которого характерна потребность в «повествовательной легкости» современной литературы. Основными аспектами продвижения писателей на литературной сцене ФРГ являются роль литературного издательства, выбирающего стратегии маркетинга авторов, самопозиционирование писателей и интерес широкой читательской публики к экзотичной для немецкоязычного общества биографии. Особенно актуальными темами в рамках данной дискуссии являются взаимодействие между разными поколениями писателей-мигрантов, отсутствие успеха мигрантской прозы из бывшего СССР на русскоязычном литературном рынке, а также роль авторского текста при актуальной издательской тенденции создавать наигранный образ писателя-мигранта с русскими корнями.

Ключевые слова: мигрантская литература, самопозиционирование, межкультурная идентичность, Владимир Вертлиб, Владимир Каминер, Лена Горелик, Алина Бронски, Ольга Грязнова.

На рубеже тысячелетий в немецкоязычной литературе прослеживается множество литературных направлений и стилей письма, среди которых, тем не менее, выделяются две основные тенденции: возвращение традиционных форм повествования, ориентированных на упорядочение накопленного опыта в условиях экономического и культурного спада, и появление новых «легких» форм литературного творчества [Schöll, Bohley: 12]. Некоторые исследователи, такие как Х. Голльнер, объясняют возникшее стремление к «новой повествовательной легкости» усилением конкуренции литературного рынка со стороны СМИ, роста новых публикационных каналов и влияния рекламы [Gollner: 14]. Другие исследователи, как, например, Н. Истерхельд, отмечают, что причиной повышенного читательского интереса к «легкому повествованию» являются также особенности немецкого книгоиздательства, пережившего после объединения ГДР и ФРГ в 1989 г. так называемый «немецко-немецкий литературный кризис», обусловленный в том числе влиянием послевоенной литературы и неразрывно связанного с ней дискурса памяти [Isterheld: 137]. В этом контексте особый интерес представляет немецкоязычная

литература писателей-мигрантов из бывшего СССР, до сих пор активно развивающих тему взаимодействия поколений в своих произведениях.

Популярность литературы русско-немецких авторов на немецкоязычной литературной сцене рассматривается критиками не только в рамках известного международного феномена «нового иммигрантского шика»¹ [Rovner: 14], но и в связи со спецификой литературного рынка Германии, для которого характерны «дефицит коренной литературы» и острая потребность в «оригинальных авторах» [Löffler: 12], к которым издатели причисляют писателей с мигрантским «бэкграундом». Известный редактор и литературный критик М. Хильшер в докладе «Функция мигрантской литературы в немецких издательствах» (“Die Funktion der Migrantenliteratur in deutschen Verlagen und Dimitré Dinevs Roman *Engelszungen*”) подчеркивает богатство тематики и жизненного опыта в произведениях писателей-мигрантов, что могло бы «закрыть возникшую брешь» [Hielscher: 197].

Даже сами писатели с мигрантским прошлым часто пользуются тезисом «безжизненности и тяжести» [Hielscher: 207] в отно-

¹ Термин восходит к дебютному роману Гари Штейнгарта «Справочник русского дебютанта», в котором главный герой – молодой человек, окончивший элитную американскую школу и успешно интегрировавшийся в общество США, – использует свое русско-еврейское происхождение как стратегию саморекламы [Wanner 2007: 14].

шении немецкой литературы. Так, например, в своих дрезденских лекциях по поэтике Владимир Вертлиб указывает на обусловленные историческими особенностями «языковой и культурный скептицизм» в произведениях своих австрийских и немецких коллег [Vertlib 2008: 132]. В другом своем эссе Вертлиб пишет, что долгое время он почти не интересовался западногерманской литературой: «Не только потому, что я никогда не жил в Германии и литературная атмосфера Мюнхена, Гамбурга, Кельна или Западного Берлина ... была для меня совершенно чуждой, но и потому, что резонирующая тяжесть и наигранная глубина многих немецких авторов действовали мне на нервы» [Vertlib 2012: 184]. Владимир Каминер, в свою очередь, показывает свое обычное игриво-ироническое отношение к теме, что отражено в одной из сцен сборника рассказов «Моя немецкая книга джунглей», в которой рассказчик от первого лица случайно сталкивается в книжном магазине с «Каноном» Марселя Райх-Раницкого (“The Canon”, 2002):

«Повсюду стояли большие длинные коробки. В Америке в таких продаются пулеметы. На верхней

части коробки был изображен старик с поднятыми вверх руками, внизу была надпись “пушки”¹ – по цене 149 евро. К этому моменту я уже верил всему в этом нереальном городе. Это здесь книжные магазины продают оружие для стрельбы по престарелым миллионерам? При ближайшем рассмотрении, однако, это оказался “литературный канон” Райх-Раницкого: вся немецкая литература была сжата в двадцатифунтовую коробку. Лучший подарок от злорадствующего Санта-Клауса» [Kaminer: 136].

Помимо повествовательной легкости мигрантской литературы, о чем упоминалось ранее, немецким литературным обществом позитивно воспринимается использование биографии в произведениях писателей-мигрантов, а также богатство стиля и тематики их творчества, что можно объяснить сменой языка и культуры. Так, например, еженедельная газета “Die Welt”, указывает, что авторам-мигрантам «есть что сказать и они могут это сказать» более непредвзятым образом, нежели местные писатели [Obermüller]. Но есть ли в современной литературе помимо «иммигрантского шика» другие тенденции, объясняющие позитивное восприятие русско-немецких авторов немецкоязычной

¹ Игра слов, нем. слово “Kanone” (‘пушка’) созвучно с названием антологии М. Райх-Раницкого «Немецкие литературные произведения. 10 томов и один сопроводительный том» (“Der Kanon. Die deutsche Literatur Erzählungen 10 Bände und ein Begleitband”).

читательской публикой? И как объяснить отсутствие успеха произведений мигрантов из бывшего СССР на российском литературном рынке, учитывая, что русско-немецкая мигрантская проза зарекомендовала себя как «бренд» не только в немецком, но и в англо-американском и франкоязычном мире? Эти и другие актуальные вопросы о рецепции русско-немецкой мигрантской прозы обозначают в своих работах многие исследователи этого феномена, в том числе, А. Ваннер в своем труде «Русские гибриды» [Wanner 2008: 663].

Большой вклад в признание литературы писателей с мигрантским прошлым внесла литературная премия имени Адельберта фон Шамиссо. Именно она не только открыла широкой общественности целый ряд новых имен на литературной сцене, но и продемонстрировала высокие эстетические качества немецкоязычной мигрантской литературы в Германии. Премия ставила перед собой цель усилить роль литературы писателей с мигрантским прошлым как духовного посредника между различными народами и нациями, что представляло особую актуальность в современном немецком обществе на рубеже тысячелетий. Однако следует отметить, что последняя церемония вручения премии состоялась в 2017 г. Организаторы назвали причиной прекращения премии изменение восприятия мигрантской литературы не

только учеными, литературными критиками, но и самими писателями. Уже в 2009 г. в своей вступительной речи на симпозиуме в г. Марбахе знаменитый писатель с болгарскими корнями И. Троянов отметил: «Больше нет никакой “литературы Шамиссо”» [Sander: 17] в контексте усиления роли писателей-мигрантов в немецкоязычном обществе в целом. Самих писателей автор полусхематично называет «агентами житейской мудрости и многоязычия, с помощью которых немецкоязычная литература выросла в “мировую литературу” [Sander: 17], что подчеркивает многостороннюю включенность писателей в различные сферы жизни немецкоязычного общества за пределами литературного творчества.

Руководитель Фонда Роберта Боша Ута-Микаэла Дюриг отметила, что

«премия достигла поставленных перед ней целей. Вместо акцентирования внимания на биографии и происхождении авторов премия должна повышать уровень взаимодействия внутри общества, усиливать чувство “мы-единства”. Многие писатели, которых определяют как писателей “с мигрантским прошлым”, таковыми не являются, поскольку относятся уже ко второму поколению мигрантов. Они выросли с немецким языком и сами воспринимают себя как немецкоязычные авторы. Их произведения являются само собой разумеющейся и неотъемлемой частью современной немецкой литературы» [Dürrig: 51–52].

Призеры премии имени Адельберта фон Шамиссо часто становятся победителями других литературных премий, в том числе престижной Немецкой книжной премии (Deutscher Bücherpreis) [Dürig]. В лонг-лист престижной награды вошли в разные годы Лена Горелик (2007), Алина Бронски (2010, 2015), Ольга Грязнова (2012), Нелля Веремей (2013).

С ростом объема мигрантской прозы на литературном рынке Германии наблюдается тенденция, что российско-германские авторы все чаще рассматриваются в контексте восприятия разных поколений и воспринимаются как отдельный, в основном женский «феномен» [Schröder]. И. Радиш, например, отмечает появление целого поколения писательниц с мигрантским прошлым, «которые не только расширяют национальную повествовательную традицию, но и добавляют женскую контристорию к семейному роману, который традиционно является рассказом сына» [Radisch]. Исследовательница ссылается в своей статье на общие гендерные темы и литературные приемы писательниц, хотя критики часто сосредотачивают свое внимание на внелитературных

критериях их творчества: возрасте, привлекательном внешнем виде или коммерческом успехе. В этом контексте некоторые ученые возрождают литературный термин, который уже был в моде на рубеже тысячелетий: “literarische Fräuleinwunder”¹ («литературное женское чудо») [Blumenkamp; Delabar]. Й.-У. Бранд считает, что подобное «фройляйн-чудо» можно открыть в Алине Бронски [Brand]. А У. Мэрц проводит параллель между дебютным романом Ольги Грязновой «Русский – это тот, кто любит березы» и сборником рассказов Юдит Герман «Летний домик, позже» (1998), используя следующее описание: «до сих пор неизвестный автор бьет по нерву своего поколения» [März].

В рамках этой темы следует также обозначить, что литература писательниц с мигрантским происхождением не всегда воспринимается литературными критиками позитивно. Так, Федидун Займоглу в своем комментарии для газеты “Zeit Online” отмечает:

«Любая [женщина], имеющая иностранное происхождение, халтурит, называет это рукописью, редакторы и издатели вырывают это у нее из рук

¹ “Literarische Fräuleinwunder” («литературное фройляйн-чудо») – термин, получивший распространение в 1950-х гг. и использовавшийся для обозначения молодых, привлекательных и независимых писательниц послевоенного времени, таких как Надин Барт, Таня Дюкерс, Карен Дюве, Зои Дженни, Алекса фон Хеннинг Ланге и Юдит Герман.

и, даже не вычитывая, публикуют. Мне пришлось прочитать слишком много подобных плацебо-романов, и мне это надоело» [Zaimoğlu].

Через некоторое время писательницы Ольга Грязнова, Лена Горелик и Нино Харишвили ответили Ф. Займоглу в достаточно дерзкой манере в статье «С грудью – не значит без мозгов» (“Mit Brüsten heißt nicht ohne Hirn”). Возникший конфликт можно рассматривать с двух сторон: с одной стороны, как гендерный, с другой стороны, как конфликт между разными поколениями писателей-мигрантов. Первым поколениям писателей-мигрантов, одним из самых успешных представителей которых является сам Ф. Займоглу, пришлось на протяжении нескольких десятилетий доказывать право немецкоязычных произведений писателей-мигрантов быть представленными на литературном рынке Германии и преодолеть стереотипное представление о мигрантской литературе как низшем феномене, в то время как писателям последних поколений оказывается всевозможная институциональная поддержка, они позитивно воспринимаются не только широким читательским кругом, но и литературными критиками.

Обозначенный конфликт подогревается тем фактом, что большое влияние на восприятие мигрантской литературы оказывает в том числе сознательно развернутая «рыночная стратегия» различных издательств, при которой на первое место выходит не авторский текст, а специально созданный и активно продвигаемый издательством образ автора [Willms: 80]. Таким образом, русско-немецкие писатели связывают себя с тенденцией авторского «самопозиционирования», получившей широкое развитие в последние два десятилетия в Германии. Й. Цельтер в своем труде «Бросить взгляд» (2013) высмеивает этот феномен, сатирически предлагая название новой литературной эпохи:

«После “Бури и натиска”, романтизма, натурализма, экспрессионизма, реализма, неореализма наступил куррикуляризм или куррикулярный витализм¹. Речь идет о проникающей силе внушительной биографии. Сегодня автор живет уже не своим языком, не страстью или идеей, а биографией. Больше ничем. Письменное слово теперь является лишь сопутствующим, незначительным делом» [Zelter: 95].

Хотя образ писателя с мигрантским прошлым в Германии складывается из целого

¹ Выражение «куррикулярный витализм» образовано от лат. Curriculum vitae (сокр. CV), используемого для обозначения краткого хронологического описания жизни и профессиональных навыков (в России чаще используется слово «резюме»).

ряда аспектов, важнейшую роль при этом играет литературное издательство, выбирающее ту или иную стратегию продвижения писателя. Игру издательств с читателем можно заметить и по тому, как подбираются названия для литературных новинок и оформляются обложки произведений. Многие романы немецкоязычных писателей-мигрантов оформляются с использованием традиционных российско-советских сюжетов и символов, вызывающих определенные ассоциативные стереотипные представления у читателя. Как примеры можно привести сборник рассказов В. Каминера “Es gab keinen Sex im Sozialismus” («В социализме не было секса»), роман О. Грязновой “Der Russe ist einer, der Birken liebt” («Русский – тот, кто любит березы»), а также книгу В. Вертлиба “Lucia Binar und die russische Seele” («Люсия Бинар и русская душа»). Часто эффект экзотичности достигается благодаря использованию названий, которые ссылаются на внутринемецкие восточные дискурсы: например роман А. Бронски “Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche” («Самые острые блюда татарской кухни») и роман В. Каминера “Meine kaukasische Schwiegermutter” («Моя кавказская теща»). Восток при этом ассоциируется у западного читателя, с одной стороны, с загадочной и «романтической» стороной света, с другой – с развивающимися странами Азии, Северо-Восточной Африкой и Юго-Восточной Европой, противопостав-

ляемыми странам с западноевропейской культурой.

Кроме визуального оформления книг, одним из важнейших элементов привлечения читательского внимания к мигрантской литературе является упоминание в рекламных анонсах, на сайтах издательств и в книжных рецензиях экзотических мест рождения и проживания, необычных фактов об образовании, работе или хобби писателя [Zelter: 89]. Так, например, на главной странице издательства “Kiepenheuer & Witsch” указано, что Алина Бронски «провела свое детство на азиатской стороне Урала» [Kiepenheuer & Witsch], издательство “Hanser Verlag” отмечает, что Ольга Грязнова родилась в Баку и выросла на Кавказе, «училась за границей в Польше, России и Израиле» и изучала «танец в Свободном университете Берлина». Кроме того, стратегия издательства часто поддерживается и самими авторами: одной из самых известных фотосессий Марьяны Гапоненко является фотосессия в образе русской дворянки XIX в., а Владимир Каминер, обладающий ярко выраженным русским акцентом, активно участвует в передачах на радио и телевидении, посвященных различным темам жизни немецкоязычного общества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что немецкие издательства активно привносят элементы биографии писателей в маркетинг их произведений. Это, с одной стороны, доказывает, что русская идентич-

ность как элемент образа автора до сих пор успешно служит привлечению внимания широкого читателя в Германии, а с другой стороны, объясняет, почему мигрантская проза писателей из бывшего СССР не получила распространения на русскоязычном литературном рынке, ведь там произведения мигрантов из бывшего СССР лишены элемента экзотичности.

References

- Blumenkamp, K. (2011). *Das «Literarische Fräuleinwunder»*. *Die Funktionsweise eines Etiketts im literarischen Feld der Jahrtausendwende* [The „Literary Miss Miracle“. The function of a label in the literary field at the turn of the millennium]. Münster: LIT, 12–33.
- Brand, J.-U. (2013, November 19). *Dem Feuilleton zu leserfreundlich* [Too reader-friendly for the feuilleton]. *Focus*. Retrieved from: <https://goo.gl/9MtuRq> (date of access: 23.02.2021).
- Gollner, H. (2005). *Die Wahrheit lügen. Die Renaissance des Erzählens in der jungen österreichischen Literatur* [Lying the truth. The Renaissance of narrative in young Austrian literature]. Innsbruck, Wien, Bozen: StudienVerlag, 100–130.
- Grjasnowa, O., Haratischwili, N., & Gorelik, L. (2014, November 12). *Mit Brüsten heißt nicht ohne Hirn* [With breasts does not mean without brains]. *Zeit Online. Freitext*. Retrieved from: <https://goo.gl/9rVkJ9U> (date of access: 10.02.2021).
- Delabar, W. (2005). *Reload, remix, repeat – remember. Chronikalische Anmerkungen zum Wunder des Fräuleinwunders* [Reload, remix, repeat – remember. Chronical notes on the miracle of the fraulein miracle]. In Ch. Caemmerer, W. Delabar, & H. Meise (Eds.), *Fräuleinwunder literarisch. Literatur von Frauen zu Beginn des 21. Jahrhunderts* [Fräuleinwunder literary. Women’s literature at the beginning of the 21st century]. Frankfurt a.M., Berlin, Bern u.a.: Peter Lang, 231–249.
- Dürrig, U.-M. (2017). *Im Fokus wird die Förderung kultureller Teilhabe durch Literaturvermittlung stehen* [The focus will be on promoting cultural participation through literary mediation]. *Chamisso. Viele Kulturen – eine Sprache* [Chamisso. Many cultures - one language], 16, 51–52.
- Isterheld, N. (2017). *In der Zukunft Europas. Zur deutschsprachigen Literatur russischstämmiger AutorInnen* [In the future of Europe. On the German-language literature of Russian authors]. Bamberg: University of Bamberg Press.
- Hanser Verlag (n.d.). *Olga Grjasnowa*. Retrieved from: <http://www.hanser-literaturverlage.de/autor/olga-grjasnowa/> (date of access: 12.01.2021).
- Hielscher, M. (2006). *Andere Stimmen – andere Räume. Die Funktion der Migrantenliteratur in deutschen Verlagen und Dimitré Dinevs Roman «Engelszungen»* [Other voices – other spaces. The function of migrant

literature in German publishing houses and Dimitré Dinev's Novel "Engelsungen". In H.A. Ludwig (Ed.), *Literatur und Migration. Text und Kritik*. München: edition text + kritik, 196–208.

Kaminer, W. (2003). *Mein deutsches Dschungelbuch* [My German Jungle Book]. München: Manhattan.

Kiepenheuer & Witsch. (n.d.). *Alina Bronsky*. Retrieved from: <http://www.kiwi-verlag.de/autor/alina-bronsky/1218/> (date of access: 12.01.2021).

Löffler, S. (2008). *Im Sog der Stromlinie. Der deutsche Literaturmarkt ist chaotisch und ringt um Übersichtlichkeit zwischen grellen Moden und geheimen Trends. Neue Autoren sind stets willkommen – für wie lange, weiß keiner. Eine Momentaufnahme* [In the wake of the streamline. German literature market is chaotic and struggles for clarity between flashy fashions and secret trends. New authors are always welcome - for how long, no one knows. A snapshot]. München: Literaturen ½, 6–13.

März, U. (2003, November 11). Schelm von unten. Die endlosen Texte des Kultautors Wladimir Kaminer [Mischief from below. The endless texts of cult author Wladimir Kaminer]. *Die Zeit*, 48. Retrieved from: <http://www.zeit.de/2003/46/L-Kaminer> (date of access: 12.02.2021).

Obermüller, K. (2012, March 24). Dichter von Welt. In der deutschsprachigen Literatur geben immer mehr Autoren nichtdeutscher Muttersprache den Ton an [Poets of the world.

In German-language literature, more and more authors of non-German mother tongue are setting the tone]. *Die Welt*, 1. Retrieved from: <https://www.welt.de/article13943388> (date of access: 18.02.2021).

Radisch, I. (2010, September 30). Neue Heimat, weiblich. Gut für Deutschland: Der Immigrationsroman erweitert unsere literarische Vorstellungskraft [New home, female. Good for Germany: the immigration novel expands our literary imagination]. *Die Zeit*, 43–44. Retrieved from: <http://www.zeit.de/2010/40/L-Bronsky-Abonji> (date of access: 18.02.2021).

Rovner, A. (2006). So easily assimilated: the new immigrant chic. *AJS Review*, 30(2), 313–324.

Sander, G.L. (2006). *Multiculturalism and the Jews*. N. Y.: Routledge, Taylor&Francic.

Schöll, J., & Bohley, J. (2011). *Das erste Jahrzehnt. Narrative und Poetiken des 21. Jahrhunderts* [The first decade. Narratives and poetics of the 21st century]. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Schröder, Ch. (2008, September 28). Zum Verlieren geboren. Auch ich bin doch wer: Alina Bronskys bemerkenswerter Debütroman „Scherbenpark“ [Born to lose. I am someone after all, too: Alina Bronsky's remarkable debut novel "Scherbenpark"]. *Der Tagesspiegel*, 28–51. Retrieved from: <http://www.tagesspiegel.de/1335280.html> (date of access: 18.02.2021).

Vertlib, W. (2008). *Spiegel im fremden Wort. Die Erfindung des Lebens als Literatur. Dresdner Chamisso-Poetikvorlesungen 2006* [Mirror in the

foreign word. The invention of life as literature. Dresden Chamisso poetics lectures 2006]. Dresden: Thelem.

Vertlib, W. (2012). *Ich und die Eingeborenen. Essays und Aufsätze* [Me and the Natives. Essays and essays] (A. Teufel, Ed.). Dresden: Thelem.

Wanner, A. (2007). Ein Russe in New York Gary Shteyngart und der Immigrant Chic [A Russian in New York Gary Shteyngart and Immigrant Chic]. *Osteuropa*, 57(5), 14–25.

Wanner, A. (2008). Russian hybrids: identity in the translingual writings of Andreï Makine, Wladimir Kaminer, and Gary Shteyngart. *Slavic Review*, 67(3), 662–681.

Willms, W. (2013). *Die ‚Newcomerin‘ Alina Bronsky im Kontext der russisch-deutschen*

Gegenwartsliteratur und ihre Rezeption im deutschen Feuilleton [The ‚newcomer‘ Alina Bronsky in the context of contemporary Russian-German literature and her reception in the German feuilleton]. *Studien zur Deutschen Sprache und Literatur* [Studies on German language and literature], 1(29), 65–84.

Zaimoğlu, F. (2014, February 10). Ich bin ein Anti-Interkulturbeserker [I am an anti-interculturalist] *Zeit Online. Freitext*. Retrieved from: <https://goo.gl/sF5xgB>. (date of access: 10.02.2021).

Zelter, J. (2013). *Einen Blick werfen. Literaturnovelle* [Take a look. Literary novella]. Tübingen: Klöpfer & Meyer.

GERMAN RECEPTION OF MODERN MIGRANT PROSE OF THE AUTHORS FROM THE FORMER USSR

Anastasia A. Anokhina, PhD, Senior Lecturer, I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia);
e-mail: aanokhina@kantiana.ru.

Abstract. The literature of migrant authors from the former USSR became popular in the German literary market not only within the framework of the well-known international phenomenon of “new immigrant chic”, but also due to the specific character of German literary market, which is characterized by the demand for “narrative lightness” of modern literature. The main aspects of the promotion of writers on the literary scene in Germany are the role of the literary publisher in choosing marketing strategies for authors, the self-positioning of writers, and the interest of the readers in a biography that is exotic for German-speaking society. The interaction between different generations of migrant writers, the lack of success of migrant prose from the former Soviet Union in the Russian literary market as well as the current trend towards publishers’ creating a feigned image of the migrant writer with Russian roots are particularly relevant topics in this discussion.

Key words: migrant literature, self-positioning, intercultural identity, Vladimir Vertlieb, Vladimir Kaminer, Lena Gorelik, Alina Bronski, Olga Gryaznova.

